

Начинало темнеть, и все поспешили разойтись по домам. Затихала и перестрелка у боен.

Гугуев не осмелился забрать в дом Богаевского и не оказал ему, возможно, ещё живому, никакой помощи. Но утром на подводе вернулся в рощу. Богаевский лежал в той же позе. Он был мёртв.

Фельдшер уложил тело на подводу и повёз в Нахичеванскую больницу. Проехав часть пути, он наткнулся на группу красногвардейцев, посланных забрать тело. Остаток пути проделали вместе. Впрочем, красногвардейцы были только рады, что не пришлось самим искать подводу. В больнице один из них обшарил карманы покойного и забрал записную книжку.

Гугуев поспешил уехать домой.

Через неделю Е.Д. Богаевской разрешили забрать из погребка городской больницы тело мужа. Богаевского похоронили вначале в Нахичевани, и лишь много позже супруга перевезла тело в Новочеркасск. «Я помню, – писал В. Севский³³⁹, – толпу праздных зевак, баб и детей с подсолнухами на временной могиле Богаевского на Софиевском кладбище в Нахичевани и кучку друзей – трёх-четырёх, кроме пяти родных покойного.

Помню товарный вагон с полом, пахнущим навозом, в котором везли Богаевского из Ростова в Новочеркасск.

И на перроне Нахичеванского вокзала в маленькой группе друзей и родных Богаевского отчётливо помню немецкого унтер-офицера. Он подошёл к Е.Д. Богаевской и от лица немецкой армии поклонился жене казачьего патриота.

И только... Иных делегатов не было».

8.5. В УКРАИНЕ

8.5.1. Эвакуация Киева

Когда Киев был занят и Народный секретариат переехал в столицу Украины, в его учреждениях царил едва скрываемая эйфория. О том, что переговоры в Бресте могут быть сорваны,

³³⁹ «Донская волна» № 9 от 05.08.18.

никто, казалось, не задумывался, да и не хотел задуматься³⁴⁰. И лишь направленная из Петрограда за подписью И.В. Сталина телеграмма, в которой прямо говорилось, что немцы наступать будут и целью их наступления является захват Петрограда и Киева, заставила «киевских товарищей» посмотреть правде в глаза.

Сразу же по её получении на заседании Народного секретариата было принято решение «немедленно организовать комитет для руководства обороной революционной Украиной в составе пяти человек и комитету обороны предоставить самые широкие полномочия с правом принимать немедленные решения от имени Украинской республики». При этом Подольская, Волынская и Киевская губернии были объявлены на военном, а Киев – на осадном положении³⁴¹.

Благодушие сменилось лихорадочной деятельностью. Созывались всевозможные совещания, создавались комитеты, издавались воззвания и «обязательные для исполнения» постановления. Тут и там выступали агитаторы, правда, без особого энтузиазма.

Всё это имело мало практического смысла. Народный секретариат, вполне оформившийся как орган, способный принимать решения, не успел обзавестись аппаратом для их исполне-

Ю.М. Коцюбинский

³⁴⁰ «На заседании Народного секретариата, – пишет Д. Эрде, – в последних числах февраля, т.е. за несколько дней до падения Киева, представитель Военного Секретариата уверял, что слухи о движении немцев в сторону Киева «безусловно, ложны». Возникновение этих слухов, объяснялось, по мнению секретариата, весьма просто. По его сведениям, в пограничном районе были только частичные случаи набегов партизанских отрядов австро-германских войск на некоторых железнодорожных станциях и в ближайших к расположению неприятельских войск городах и местечках. Набеги эти были предприняты, якобы, с целью добычи провианта и захвата складов оружия, брошенного правительством Рады...»

³⁴¹ 9(22) февраля ЦИК Ук утвердил предложенные меры. В состав «Комиссии по обороне страны» были избраны Я. Мартьянов, Ю.М. Коцюбинский, Н.А. Скрыпник, С. Бакинский и В.М. Примаков.

ния. К тому же в Киеве мобилизовать значительные силы было невозможно. После Январского восстания и уличных боёв пролетарии города к новым сражениям уже не стремились³⁴². Что касается населения в целом, то многодневная бомбардировка городских кварталов, свыше двух тысяч проведённых в короткий срок арестов, обыски и реквизиции, сильно поубавили симпатии к Советам.

В окрестностях города располагались отряды Красной гвардии, общая численность которых после ухода Муравьёва достигала до трёх тысяч бойцов³⁴³. Для успешного противодействия подразделениям Центральной Рады, которые находились едва ли в лучшем состоянии, этого было вполне достаточно. Немцев ни остановить, ни задержать они, конечно, не могли.

10(23) февраля делегация Городской Думы прибыла на приём к народному секретарю по внутренним делам. Возглавлявший её бундовец М.Г. Рафес высказал следующее: «Ввиду того, что Советская власть по мирному договору должна быть на Украине ликвидирована, мы... предлагаем Советскому правительству сдать охрану города Городской думе, которая вышлет свою делегацию к германскому командованию, чтобы не допустить обстрела города». И хотя предложение Рафеса было встречено с негодованием и делегатов едва не расстреляли, всем было понятно, что Советам в Киеве отведены считанные дни.

³⁴² «Пробовали звать рабочих на борьбу с врагами для защиты революции, – вспоминает М. Майоров, – но киевский пролетариат устал, и не было возможности ещё раз броситься в бой, как месяц тому назад. Киевский пролетариат целый месяц голодал и ходил без работы. Его охватил страх перед сильным врагом – немецким империализмом. И даже если бы Советская Власть собрала несколько тысяч товарищей рабочих в Киеве, чтобы оказать сопротивление на подступах к Киеву, то разве можно было бы устоять против неравной силы – хорошо вооружённых немецких солдат?»

³⁴³ В том числе, «Социалистический отряд» В.И. Киквидзе, несколько дней сдерживающий гайдамаков в районе Бердичев – Житомир, впрочем, без особого нажима с их стороны. Этим ограничилось участие Юго-Западного фронта в обороне Киева.

Едва появились слухи о наступлении немцев, и был получен приказ Крыленко о демобилизации, десятки солдатских эшелонов устремились в тыл.

13(26) февраля в первой половине дня на железнодорожных путях у здания пассажирского вокзала загорелись два вагона со снарядами, и, хотя пожар удалось вскоре потушить, паника распространилась мгновенно. Расследование, произведённое в срочном порядке выехавшими на вокзал народными секретарями, показало, что никакого отношения к немецкому наступлению причины возгорания не имели, но изменить что-либо было уже невозможно.

В тот же день на экстренное расширенное заседание Народного секретариата с президиумом ЦИК Ук, президиумом исполкома Киевского Совета и секретариата Киевского парткома был вызван военный комиссар Коцюбинский, который доложил о состоянии дел³⁴⁴. В ответ на прямой вопрос Скрыпника: «За сколько дней военные могут поручиться?», он заявил, что на это трудно ответить и пояснил: «Будет зависеть от активности противника...»

Тут же было принято решение об эвакуации Правительства и вывозе ценностей государственного банка в Полтаву. Заседание длилось не более получаса. Сразу же после его окончания Киевский парткомитет предложил всем советским и партийным работникам покинуть город. Прибывшие с вокзала народные секретари ещё пытались выправить положение.

По их инициативе было организовано новое срочное заседание Народного секретариата и президиума ЦИК. Присутствующие доказывали, что «киевские товарищи неверно истолковали принятое решение, так как ни одного слова не говорилось о том, чтобы *сию же минуту* уезжать». В итоге постановили: «принять меры к прекращению панической эвакуации и задержать отъезд киевлян». Однако вскоре выяснилось, что Киевский исполком и парткомитет в полном составе уже уехали 6-часовым поездом в Полтаву³⁴⁵.

³⁴⁴ Уверенно Коцюбинский мог сообщить лишь то, что «наша разведка, на протяжении 30 вёрст от города, противника *ещё* не обнаружила».

³⁴⁵ «Весть об отъезде Исполкома Совета, – пишет Е. Бош, – быстро разнеслась среди обывателей, и положение в городе создалось настолько неустойчивое, что дальнейшее пребывание Советского правительства являлось

14(27) февраля меньшевики и бундовцы создали пленум Совета. Рафес проинформировал собравшихся о бегстве исполкома и предложил избрать новый. Положение спасли прибывшие народные секретари, остававшиеся в городе. В итоге было принято предложение «немедленно закрыть заседание, чтобы, не теряя ни минуты, взяться за организацию рабочих отрядов и вооружение их³⁴⁶».

Позднее в здании вокзала состоялось ещё одно заседание Народного секретариата и президиума ЦИК Ук. Народные секретари, вернувшиеся с Пленума Совета, потребовали призвать всех проле-

Е.Б. Бош

совершенно невозможным. И президиум ЦИК'а, и Народный Секретариат переехали из занимаемого помещения в поезд. В городе остались только три члена Народного Секретариата (народные секретари по военным делам, внутренним и финансовым) и т. Виталий Примаков. Т.т. Коцюбинский и Ауссем занялись собиранием разрозненных отрядов Красной гвардии и розыском вооружения, т. Примаков со своим небольшим отрядом Червоного Казачества поддерживал порядок и охрану в городе, а тов. Е. Бош принимала бесконечные делегации и демонстрировала власть, *а вернее, безвластие в городе*.

Исполком Киевского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов уехал 26 февраля, не создав пленума Совета и не уведомив его о своём отъезде. Товарищи так торопились с отъездом, что бросили всё, как было; даже винтовки, хранившиеся в подвалах дворца, где находился Исполком, не были сданы и оставлены без всякой охраны. Только члены Исполкома, работавшие в банке, выполнили свои задания и эвакуировали все ценности и бумаги.

Ужасную картину, – картину панического бегства, представлял на другой день дворец – помещение Исполкома... Обыватели моментально узнали об оставленных винтовках и с утра 27 февраля валом повалили в здание Исполкома на разграбление оружия. Только часов в 12 дня, когда сообщили в Народный Секретариат, эта грабилька была прекращена, и оставшиеся винтовки перевезены в Штаб. Неорганизованный, панический отъезд Исполкома резко подчёркивался положением на заводах. Хотя рабочие были охвачены не меньшей тревогой и прекратили работу, но они заперли предприятия и организовали свою охрану с постоянной сменой караула».

³⁴⁶ Из киевских железнодорожников был сформирован так называемый «1-й Киевский железнодорожный полк» под командой рабочего-железнодорожника Дзиевского, бывшего украинского эсера, перешедшего на сторону Советов. Позже он эвакуировался в Полтаву вместе с Правительством.

тариев Киева к оружию и выделить для этого ответственных работников. Но здесь царили другие настроения. Многие возражали, сетуя, что время упущено, ничего не сделано, а противник в 30 верстах от города.

Вызвали начальника штаба обороны А.В. Павлова³⁴⁷, который заявил, что с имеющимися силами больше двух-трёх дней не продержаться, и с военной точки зрения, поскольку оборона Киева невозможна, было бы лучше сразу отвести все силы за Днепр. Предложение немедленно сместить и даже арестовать Павлова, после бурных споров было отклонено.

Вслед за тем Скрыпник и Лапчинский внесли предложение о переезде Народного секретариата и ЦИК'а в Полтаву. Возражавших не оказалось, но срок отъезда определён не был.

15(28) февраля, уяснив обстановку, через Киев на левую сторону Днепра стали проходить части Чехословацкого корпуса³⁴⁸. Им вослед, в значительном количестве стали выбираться из города рабочие отряды. Из Дарницы киевская Красная гвардия следовала в Полтаву уже в эшелонах, формированием и отправкой которых занимался Бакинский. Вечером редакция «Вестника» заявила, что газету далее выпускать невозможно, так как типографские работники разошлись по домам.

В тот же день Народный секретариат, выслушав Павлова, заверившего Правительство в том, что «без боя он город не оставит», вынес постановление о переезде в Полтаву³⁴⁹. В ночь

³⁴⁷ Прапорщик Павлов прибыл в Киев в составе группы военных, предложивших свои услуги после расформирования VII армии. По их рекомендации Народный секретариат утвердил Павлова в должности начальника военного штаба по обороне города.

³⁴⁸ «...отступление прекрасно вооружённых чехословацких войск, – вспоминает Е. Бош, – количественно свыше 10 тысяч, со всем командным составом, произвело удручающее впечатление на рабочих. У каждого невольно являлась мысль: «Раз отступает такая армия, то что можем сделать мы?» Положение создалось совершенно невозможное...»

³⁴⁹ К этому времени признаков власти в городе уже не наблюдалось. Издававшийся в Харькове «Донецкий пролетарий» в номере от 16 февраля (1 марта) не без доли злорадства сообщал:

«Редакция вчера в 3 часа дня делала попытку разговаривать по прямому проводу с Киевом. На просьбу соединить с Центральным исполнительным

на 16 февраля (1 марта) правительственный эшелон выехал из города.

Сразу же вслед за ним покинул Киев и Павлов со всем своим штабом. Каких-либо распоряжений отрядам, по своей инициативе подтягивающимся к городским окраинам³⁵⁰, он не отдал. Не был предупрежден об эвакуации и В.М. Примаков. В Дарнице Павлова вновь хотели привлечь к суду, но он исчез.

16 февраля (1 марта) караул, оставшийся в городе, и также не предупрежденный и не имевший никаких указаний, начал постепенно сниматься и отходить к вокзалу. Не найдя там штаб обороны, караул небольшими группами и поодиночке ушёл за Днепр. К 14 часам советских войск в городе не оставалось.

17 февраля (2 марта) немцы, не встретив сопротивления, заняли большую часть Киева, а на следующий день – Жмеринку. 22 февраля (7 марта) в город вернулось правительство УНР.

Вытесненные из Киева, отряды Красной гвардии были совершенно дезорганизованы, их командиры не знали, что предпринять. «В ближайшем тылу, – вспоминает Е. Бош, – Дарница-Полтава – царил непередаваемый хаос, и все попытки устано-

комитетом был получен ответ: «У нас такого нет». Представитель редакции попросил Совет к аппарату. Киев ответил: «Ещё раз повторяем, в городе никакой власти нет. Поняли?» Разговор прервался...»

³⁵⁰ «...если бы наши начальники отрядов – коммунисты – проявили больше доверия к штабу, – пишет Е. Бош, – то все наши вооружённые силы остались бы в руках оккупантов, так как чехословаки, получив сообщение, что штаб бежал и город оставлен, обеспечивая себе тыл, подготовили взрыв главных мостов.

В момент отъезда штаба наши войска находились в 10 верстах от города. Потеряв связь со штабом, и узнав от железнодорожников, что все покинули город, они стали спешно отступать за Днепр. Но как только стали подходить к мосту – раздался первый взрыв, к счастью, неудачный. Полная неосведомлённость наших отрядов, взрыв моста и угроза быть отрезанными создали невероятную панику, и лишь выдержка и стойкость т. Чудновского спасли положение.

Видя, что мост только попорчен, но не взорван, он с группой смельчаков (человек 25) из своих отрядов бросился вперёд и оружием стал прокладывать себе путь через мост. Чехословаки в первый момент приняли наши войска за неприятельские и стали обстреливать бросившихся на мост пулемётным огнём... Но наши прорвались на другую сторону моста, и огонь прекратился. Путь был свободен, и все отряды прошли за Днепр».

В тот же день отряд Киквидзе, численностью в две тысячи штыков, спешно прошёл через Киев и отступил к Ромодану.

вить хотя бы сравнительный порядок сносились волной отступающих. По всем железнодорожным линиям... стояли и разъезжали поезда с отступившими отрядами и эвакуировавшимися рабочими, большей частью вооружённые и с пулемётами на площадках. Каждый эшелон передвигался по своему усмотрению, требуя от железнодорожной администрации беспрекословного исполнения. На станциях ни комиссаров, ни представителей Советской власти не было. Железнодорожными проводами пользовался, кто хотел и без всякого контроля. Местные организации чувствовали себя совершенно бессильными перед массой вооружённых людей. Ко всему между двумя борющимися силами – германской оккупационной армией и Советской властью – существовала третья вооружённая сила – чехо-словацкие войска».

Дальнейшее продвижение германской армии за Днепр оставалось в этих условиях лишь вопросом времени...

В Украину немцы ввели 21 пехотную, 2 кавалерийских дивизии и кавалерийскую бригаду. 8 пехотных и 2 кавалерийских дивизии выставили австрийцы³⁵¹. Всего, по оценке Антонова-Овсеенко, до 200 тысяч штыков и сабель.

По тем временам это были огромные силы. Численность советских войск даже в периоды максимального их развёртывания едва ли превышала 25–30 тысяч. Но не следует забывать, что австро-германцы наращивали свою группировку постепенно, и далеко не все означенные части отправлялись к району боевых действий. Значительная часть оккупационной армии стояла гарнизонами в городах и на узловых станциях, обеспечивая как безопасность тыла, так и сохранность вывозимого продовольствия.

Тактика и стратегия продвижения австро-германских войск по Украине сводилась к одному: они были совершенно уверены в конечном успехе и по возможности избегали крупных боёв. Вперёд шли незначительные силы, как правило, усиленные батальоны³⁵² с приданными кавалерийскими разъездами и артиллерией.

³⁵¹ Австро-германцев поддерживали войска Рады, численность которых, первоначально не превышавшая две тысячи штыков, по мере продвижения непрерывно возрастала.

³⁵² А зачастую, и роты!

Они выявляли и вытесняли небольшие советские отряды и закрепляли за собой территорию. Если же передовые группы наталкивались на более крупное подразделение, то сдерживали его на определённом рубеже, в то время как другие части осуществляли обходной манёвр. Как правило, это срабатывало безотказно. Фланги советских отрядов традиционно оставались открытыми, и одна лишь угроза окружения заставляла бойцов спешно грузиться в эшелоны и без боя откатываться ещё на 40–50 километров на восток.

Впрочем, случалось, что немцы встречали организованное решительное сопротивление, и их передовые силы терпели поражение и оказывались разгромленными. В этом случае они, не раздумывая, тут же стягивали мощный кулак и решали дело в открытом бою, исход которого был в большинстве случаев предрешён³⁵³.

Первоклассной европейской армии, прекрасно вооружённой, объединённой единым замыслом, спаянной железной дисциплиной противостояла рабочая Красная гвардия с недостаточным вооружением и подготовкой и немногочисленные растрёпанные полки Старой армии, так и не избавившиеся от практики выборности командного состава и всевластия комитетов.

Антонову-Овсеенко, назначенному Главнокомандующим войсками в Украине³⁵⁴, пришлось начинать с элементарных вещей: объединить многочисленные разношерстные отряды и группы в более крупные подразделения и заткнуть зияющие

³⁵³ «Вся история боёв Красной гвардии с германскими войсками, – пишет А. Анишев, – есть типичная история борьбы неорганизованной армии на территории с неорганизованной властью.

Целый ряд случаев героического сопротивления отдельных отрядов переплетается с паническим отступлением или с невыполнением приказа другими отрядами, что сводит на нет все усилия и все жертвы стойких отрядов».

³⁵⁴ 19 февраля (4 марта) Ленин направил в Ростов Антонову-Овсеенко телеграмму, в которой предлагал ему, «вспомнив... подлинную фамилию, поступить в распоряжение Нарсекретариата Украины для командования всеми войсками против германо-австрийского нашествия».

22 февраля (7 марта) ЦИК Ук уже в Полтаве официально назначил его на эту должность. В соответствующем постановлении, в частности, говорилось: «Центральный исполнительный комитет советов Украины, Народный секретариат Украины постановлением от 7 марта 1918 г. выбирает тов. Овсеенко-Антонова Народным секретарём Украинской республики и назначает его Верховным главнокомандующим всеми войсками Украинской народной республики...»

бреши, сразу возникшие в полосе германского продвижения³⁵⁵.

Позже были сформированы пять «армий», разного состава, численности и боеспособности³⁵⁶. Однако перейти в полном объёме от очагового сопротивления к фронтовой борьбе так и не удалось. В лучшем случае, удавалось какое-то время прикрывать крупные города и железнодорожные магистрали. Армии отступали, теряли состав и материальную часть, иногда рассеивались и расформировывались, тут же вновь формировались заново. И отступали постепенно к восточным границам Украины.

Быстро оформившееся на разных уровнях понимание того, что немцев вряд ли удастся остановить, делало своё дело³⁵⁷. Не-

³⁵⁵ Но в первую очередь приходилось разрешать неожиданно возникшие дисциплинарные проблемы. Амбиции отдельных командиров и начальников явно превосходили число стоявших за ними штыков. Так, по свидетельству Антонова-Овсеенко, В.И. Киквидзе, уже именовавший себя «главнокомандующим украинскими советскими войсками», не скрывал своего возмущения.

Казалось бы, конфликт между Муравьёвым и Народным секретариатом в этот критический момент должен был поухнуть. Он же, напротив, перерастал в открытую войну.

Дело дошло до того, что Муравьёв арестовал членов комитета так называемой «1-й армии красногвардейской советской армии» Моисеева, Чернова и Лapidуса, которые заявили, что подчиняться ему не станут. В ответ по приказу Ю.М. Коцюбинского был арестован следовавший в Петроград по вызову СНК П.В. Егоров.

Лишь вмешательство Антонова-Овсеенко позволило предотвратить худшее. В итоге, все поименованные лица были освобождены.

³⁵⁶ Нет никакой возможности в формате данного издания пусть даже и вскользь изложить весь ход германского вторжения в Украину. Эта тема сложна, многогранна и абсолютно самостоятельна. Упомянуты лишь те значимые события, которые имели непосредственное отношение к Дону.

³⁵⁷ «Безнадёжность борьбы с регулярными войсками австро-германского империализма, – вспоминает Антонов-Овсеенко, – в этих условиях была совершенно ясна для нас. Но нужно было, тем не менее, вести эту борьбу, хотя бы она не обещала ничего, кроме поражения, и могла окупиться лишь в отдалённом будущем».

С его мнением солидаризируется и Е. Бош. «Слухи о продвижении германских войск, – пишет она, – в течение 3-х лет побеждавших русскую регулярную армию, создают почти общее настроение безнадёжности и невозможности сопротивления. Массы придавлены и пассивны, а местные советские и партийные работники рассуждали приблизительно так: «Бороться мы вынуждены, другого выхода нет, но мы неизбежно будем разбиты». И, находясь под впечатлением общего настроения придавленности, не проявляли никакой инициативы и не видели возможности что-либо предпринять...»

удивительно, что многие командиры о «своих» локальных интересах заботились, куда в большей степени, чем о выполнении стратегических планов Главковерха.

Почти два месяца, то затухая, то разгораясь вновь, продолжались военные действия. Затем советские отряды покинули территорию Украины. Думается, Антонов-Овсеенко был не худшим Командующим, и вряд ли кто, оказавшись на его месте в таких же условиях, сумел добиться большего...

8.5.2. Полтава. Екатеринослав. II съезд Советов Украины

В Полтаве ЦИК Ук вместе с ранее прибывшими киевским Исполкомом, парткомитетом и штабом по формированию Красной гвардии были размещены Полтавским советом на территории Кадетского корпуса.

Перед Украинским Советским правительством сразу же встал вопрос: что делать дальше? Меньшая часть Народных секретарей требовала превращения Секретариата в Совет Обороны и сосредоточения всех усилий на организацию фронта. Большинство же настаивало на сохранении за Секретариатом функций правительственного центра. «Соглашение не было достигнуто, – пишет Е. Бош, – и меньшинство и большинство повели работу самостоятельно... 5 марта члены Народного Секретариата и ЦИК Совета Украины – т.т. Ауссем, Бош, Коцюбинский и Бакинский, настаивавшие на экстренном созыве пленума ЦИК и образовании Совета Обороны, подали в президиум ЦИК письменное заявление об отставке и откомандировании их в распоряжение военного отдела».

Впрочем, происшедший раскол с назначением Антонова-Овсеенко потерял свою остроту. Вся военная власть неизбежно сосредотачивалась в его руках. Деятельность ЦИК Ук свелась в самом скором времени к решению насущных вопросов по укреплению и расширению социальной базы своих сторонников. В первую очередь, заручились поддержкой киевских³⁵⁸ и полтав-

³⁵⁸ «Члены Киевского Исполкома и парткомитета, – пишет Е. Бош, – за все четыре дня пребывания в Полтаве, не проявили ни малейшей активности, а пребывали в полной бездеятельности.

ских советских работников, от которых зависела комфортность пребывания в городе. Их просто кооптировали в ЦИК и Народный секретариат.

22 февраля (7 марта) ЦИК принял «Декларацию», в которой, резко сбавив тон, косвенно признавал право на существование образовавшихся к тому времени на территории Украины Советских республик и призывал их к объединению «для организации единой обороны»³⁵⁹.

Даже не присутствовали на собрании представителей киевской Красной гвардии, и в избранный Штаб по формированию Красной гвардии не входил ни один из руководящих киевских работников».

Дело дошло до того, что киевский Совет забаррикадировался в здании кадетского корпуса и выставил караулы, так как распространились слухи о намерении красногвардейцев, возмущённых бегством последнего из Киева, арестовать его работников.

Тем не менее, конфликт был улажен, и киевляне также были введены в состав обновлённого ЦИК, а позже, и в Народный секретариат.

³⁵⁹ В Декларации было прописано следующее:

«1. Мы никогда не рассматривали Украинскую Советскую Республику, как национальную республику, а исключительно, как Советскую республику на территории Украины.

2. Мы никогда не стояли на точке зрения полной независимости Украинской Народной республики, рассматривая её как более или менее самостоятельное целое, связанное с общероссийской рабоче-селянской республикой федеративными узами.

3. Одновременно мы не возражали против образования различных советских объединений, оставляя разрешение вопроса о взаимоотношениях их как с краевой, так и центральной обще-федеративной Советской властью до более подходящего времени.

4. В настоящий момент, когда объединённая буржуазия, частью открыто, как Центральная Украинская Рада и её новейшие союзники – австро-германские империалисты, частью скрыто, как буржуазия российской, Дона, Крыма и др., грозят раздавить рабоче-селянскую власть Украины, притом Украину в границах III и IV универсалов, т.е. в том числе и те части Украины, которые составляют Донскую, Донецкую, Крымскую и Одесскую Советские республики, – именно теперь особенно необходимо тесное объединение всех советских организаций.

5. Центральный Исполнительный Комитет призывает все Советы к такому объединению на следующих основаниях:

а) Объединение создаётся в целях всемерной вооружённой защиты Советской власти на территории, на которой организуются особы Комитеты по борьбе с контрреволюцией из представителей поименованных в п.4 Советских республик;

б) ни одна из входящих в союз республик не может без ведома и согласия